

Коменский Ян Амос

**Великая дидактика Я.А.
Коменского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я60

Я60 **Ян Амос К.**
Великая дидактика Я.А. Коменского / Коменский Ян Амос – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 310 с.

ISBN 978-5-519-89997-0

ISBN 978-5-519-89997-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

перевести его «Великую Дидактику» и торжественно признали историческое значеніе ея автора въ исторіи педагогіи. Съ этого же времени и у насъ начинается извѣстность Коменскаго *), до того времени даже и по имени у насъ почти неизвѣстнаго.

Одною, впрочемъ, изъ причинъ поздняго знакомства нашего съ Коменскимъ слѣдуетъ признать *рѣдкость* его сочиненій, а равно и то, что они писаны на *латинскомъ языкѣ*, недоступномъ для большинства.

Между тѣмъ, *идеи Коменскаго* и теперь, черезъ 200 лѣтъ, свѣжи, новы и глубоки. Читатели «Семьи и Школы», уже знакомы съ ними, и знаютъ, какою проникнуты онѣ гуманностью, задушевною теплотою и вмѣстѣ глубиною, основательностью и практичностью.

Предпринявъ изданіе «Великой Дидактики», редакціи намѣрена дать читателямъ *особую обстоятельную статью* о жизни и трудахъ ея великаго автора; теперь же ограничивается сообщеніемъ лишь немногихъ существенныхъ свѣдѣній объ авторѣ и замѣчаній объ издаваемомъ его твореніи.

Коменскій родился въ Моравіи, 28 марта 1592 г.,—значить, болѣе 280 лѣтъ назадъ. Онъ вышелъ изъ народа; отецъ его былъ простой мельникъ, принадлежавшій къ общинѣ Моравскихъ Братьевъ. Еще ребенкомъ Янъ уже потерялъ родителей и о немъ нѣкому было заботиться. На 16-мъ году онъ только началъ ходить въ школу и учиться латыни. Школы того времени были въ крайнемъ упадкѣ, всюду только и царила латынь и схоластика. Коменскій вынесъ на себѣ не только всю тяжесть невзгодъ ранняго сиротства, но и всѣ истязанія схоластической школы, которую онъ позднѣе такъ беспощадно бичевалъ. Воспоминаніе о потерянномъ школьномъ времени вызывало у него слезы. «Ахъ, какъ часто,—говорить онъ,—послѣ того, какъ захотѣлось мнѣ узнать лучшее, воспоминаніе о моей утраченной юно-

*) 200-лѣтній юбилей Коменскаго у насъ праздновался въ торжественномъ засѣданіи Петербургскаго «Славянскаго Комитета», гдѣ г. Миропольскій говорилъ рѣчь о Коменскомъ и его значеніи въ педагогіи. Рѣчь эта была напечатана въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1870 г., за мѣсяцы сентябрь, октябрь и ноябрь.

сти тѣснило грудь мою и выжимало у меня слезы изъ глазъ, какъ часто восклицалъ я въ порывѣ скорби словами поэта:

„О если бы Юпитеръ возвратилъ мнѣ утраченные годы“!

Напрасная скорбь! Протекшіе дни невозвратимы. Одно остается, одно лишь возможно: дать совѣтъ потомству, — совѣтъ, который я въ силахъ дать, и разъясненіемъ способа, которымъ наши учителя ввели насъ въ заблужденіе, показать путь, которымъ можно избѣжать ошибокъ». Вотъ гдѣ *субъективная*, такъ-сказать, причина, вызвавшая Коменскаго на служеніе образованію, воспитанію, школѣ. Испытавъ самъ всю горечь воспоминаній объ утраченномъ времени, всю мучительность убивающаго жизнь схоластическаго ученія, Коменскій посвятилъ жизнь свою задачѣ — избавить другихъ отъ этихъ страданій, утратъ, отъ этой горечи позднихъ и бесполезныхъ сожалѣній.

Другая, болѣе сильная и глубокая, *объективная* основа его задачъ, дѣятельности и стремленій, это — пламенная любовь къ своей родинѣ и вѣра, что только разумное воспитаніе и обученіе могутъ создать лучшую будущность угнетенному народу и возродить его. Эта задача стала его миссіонерскимъ посланничествомъ, и она-то стяжала безсмертіе Коменскому.

Но *гдѣ же и какъ* могъ получить Коменскій всю широту развитія, глубину идей и замѣчательную для того времени эрудицію, бывъ покинутъ сиротою и отданный на жертву схоластики? — Здѣсь-то и сказалась гениальная натура великаго человѣка. Онъ скоро понялъ всю пустоту старой школы, всю безцѣльность схоластики; мощный духъ его рвался дальше; ему видѣлась за этою школою и образованіемъ — *другая школа, иной* умственный трудъ; передъ нимъ раскрывались необъятныя задачи мысли, знанія, подвиговъ на пользу человѣчества. Онъ успѣшно прошелъ курсъ старой школы; но ему не сидѣлось дома. Слухи о великихъ людяхъ его времени манили его впередъ: онъ отправился *странствовать*. Это путешествіе было истинною школою для великаго ума. Коменскій шелъ *учиться* и работалъ вездѣ съ страстною энергіей и замѣчательнымъ успѣхомъ. Онъ обошелъ *всю Европу*, слушалъ всѣхъ знаменитостей того времени, всѣхъ представителей европейской мысли, между которыми были замѣчательные люди,

и когда возвратился на родину,—онъ уже обладалъ такими познаніями, опытомъ и даже извѣстностію, что ему прямо поручили управленіе школами пѣлаго округа (Фульнецаго). Отсюда начинается полная жизни и страстнаго увлеченія кипучая дѣятельность Коменскаго на родинѣ и затѣмъ его страдальческая жизнь. Едва успѣлъ онъ поставить забитую школу на ноги, какъ страшный погромъ отечества (послѣ несчастной Бѣлогорской битвы 1620 г.) разбилъ всѣ его труды. Но у него оставалась семья—жена, двое нѣжно любимыхъ малютокъ и драгоценная для того времени библіотека, въ которой было много его собственныхъ рукописей,—плодъ долгихъ работъ и многолѣтнихъ практическихъ занятій; онъ не терялъ духа и продолжалъ трудиться. Но вотъ новая страшная гроза,—и все его счастье, всѣ его надежды исчезли въ испанскомъ разгромѣ Фульнека (1621 г.) Коменскій потерялъ *все*: жену, малютокъ, библіотеку, свои рукописи... Одинокій и безпріютный, среди развалинъ своего счастья и разгрома горячо любимой родины, стоялъ великій человѣкъ. Съ этихъ поръ Коменскій уже не имѣлъ постоянного пріюта и до конца жизни оставался странникомъ. Сначала онъ нашелъ себѣ пріютъ у славнаго Карла Жеротинскаго, извѣстнаго покровителя Моравскихъ братьевъ (Янъ Коменскій былъ ихъ послѣднимъ епископомъ); но скоро враги проникли въ это убѣжище; тѣснимыя и преслѣдуемые отовсюду братья, съ Амосомъ во главѣ, разбрелись по лѣсамъ, скрываясь въ пещерахъ, рискуя поплатиться головой за вѣрность вѣрѣ и родинѣ, пока, наконецъ, публичнымъ декретомъ не были осуждены на совершенное изгнаніе за то, что никто изъ патріотовъ не рѣшился измѣнить своимъ убѣжденіямъ.

Не будемъ слѣдить за подробностями страннической жизни Коменскаго:—это дѣло его обстоятельной біографіи; скажемъ только, что всѣ преслѣдованія и самое изгнаніе не убили въ немъ энергіи, самоотверженнаго служенія на пользу человѣчества. Онъ неутомимо работалъ теоретически и практически—преимущественно въ области педагогіи,—устроивалъ школы, распространялъ разумныя воззрѣнія на воспитаніе и обученіе, составлялъ учебники, руководства, и въ то же время обрабатывалъ дидактику, какъ *науку*, выводя ее изъ глубочайшихъ психологическихъ началъ.

Писать Коменскій *чрезвычайно много*. Палодкій, специально собиравшій свѣденія о литературныхъ трудахъ Каменскаго, насчитываетъ въ своемъ каталогѣ трудовъ славянскаго педагога *девятисто два* сочиненія. Многія изъ нихъ теперь утрачены; но названія ихъ свидѣлствуютъ объ обширности и всесторонности познаній и работъ Коменскаго. Онъ писалъ о богословіи, о политикѣ, исторіи; занимался философіей, физикой, математикой и обрабатывалъ, по идеѣ своей «пансофіи», педагогическую энциклопедію наукъ. Его собственно педагогическіе труды, изданные въ 1657 г., представляютъ громадный томъ in folio, мелкой печати, заключающій въ себѣ болѣе 1000 листовъ, въ 4-хъ частяхъ. Изданіе это, теперь очень рѣдкое и даже драгоценное, вышло въ свѣтъ по опредѣленію амстердамскаго сената, посвящено Амстердаму и было редактировано самимъ авторомъ. Общее заглавіе его: «I. A. Comenii opera omnia didactica»; въ немъ, между другими твореніями, заключается и знаменитая «Великая Дидактика» Коменскаго, которую мы теперь представляемъ нашимъ читателямъ. Написана она была въ 1628 г., слѣдовательно—около *двухсотъ пятидесяти лѣтъ* тому назадъ; въ свѣтъ явилась она сперва на чешскомъ языкѣ, потомъ авторъ перевелъ ее на литературный языкъ того времени—латинскій. Чешскій подлинникъ, кажется, утраченъ теперь.

Кромѣ «Великой Дидактики», между современниками Коменскаго особенно славой пользовалась его «Отверзтая дверь языковъ» (Janua linguarum reserata) и «Orbis pictus». «Janua» выдержала безчисленное множество изданій и была переведена вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ на 12 европейскихъ языковъ и даже проникла на востокъ; а «Orbis pictus» и до сихъ поръ еще переводится и существуетъ за границей, служа прототипомъ нашихъ «наглядныхъ» книгъ для дѣтскаго чтенія. Одинъ изъ современныхъ педагоговъ, оценивая историческое значеніе Коменскаго, дѣлаетъ сравненіе знаменитыхъ подарковъ *трехъ* европейскихъ расъ дѣтскому міру. Романская раса подарила *Телемака*, англо-саксонская—*Робинзона*, славянская—«Orbis pictus».—*Телемакъ* это метода воспитанія привилегированныхъ *сословій*, прозаическая, *разсудительная*, въ основѣ которой лежитъ разсудочная идея *дома*. *Робинзонъ*—это метода воспитанія смысленности, развитія умственныхъ и мускуль-

ныхъ сизъ, въ основѣ которой та же *разсудительность* и идея *нужды*. Оба произведенія сотканы изъ *резонанса*, первое—изъ моральныхъ, второе—изъ житейскихъ. «*Orbis pictus*» Коменскаго отличается отъ обоихъ, какъ отличается жизнь отъ общихъ правилъ, какъ отличается полный духъ человѣчности отъ односторонняго духа какой-либо специальности. Развитие человѣческой личности не есть для Коменскаго тѣнь *приключеній* (каковы приключенія Телемака и Робинзона), но радостное, свѣтлое возрастаніе духа, питающагося созерцаемъ «необъятнаго, вѣчно прекраснаго Божьяго міра». Это сравненіе показываетъ съ очевидностью, что славянскій гений Коменскаго есть та творческая сила, которая положила глубокія основы для истинно-гуманнаго просвѣщенія и воспитанія человечества.

Очень понятно и естественно, что Коменскій являлся своимъ современникамъ чѣмъ-то необычайнымъ, удивительнымъ. Такъ одинъ изъ современныхъ Коменскому писателей, Ад. Вейнгемейеръ пишетъ: «*Hic vir (Comenius) dono quodam providentiae genitus est, in quo totas vires suas experitur didactica*».

Ученый Petrus Golia (1641 г.) писалъ брату своему профессору восточныхъ языковъ въ Лейденѣ, что переводя «*Janua Linguarum*», на арабскій языкъ, онъ внушилъ такую любовь къ этой книгѣ ученымъ магометанамъ, что тѣ сами принялись за переводъ ея на восточные языки.

Адольфъ Тассій писалъ также: «*Fervet jam per omnes Europae angulos pansophicum et melioris didacticae (Comenii) Studium*». Bayl, французскій писатель прошлаго вѣка писалъ о «*Janua*»: *Quand Comenius n'auroit publié que ce livre-là, il se serait immortalisé*. И если эта слава временно находилась въ забвеніи, то много виною была здѣсь грозная и мрачная эпоха 30-лѣтней войны: не одна педагогія понесла утраты въ буряхъ и кровопролитіи ожесточенной борьбы, громившей всю Европу...

Всемирная слава Коменскаго не уничтожила однако въ немъ врожденной скромности и даже недоувѣрія къ своимъ трудамъ. Онъ радовался, что его повсюду призываютъ властители для устройства школъ на новыхъ началахъ и ревностно трудился въ этомъ дѣлѣ; но онъ удивлялся тому, что даже ранніе его труды принимаются съ увлеченіемъ всѣми. Такъ, онъ пишетъ io «*Janua lin-*

guatum: «Случилось то, чего я не воображалъ: это дѣтское сочиненіице (puerile istud opusculum) принято было съ всеобщимъ одобреніемъ. Меня отъ души поздравляли съ новымъ изобрѣтеніемъ ученые различныхъ націй; моя книга была переведена на 12 европейскихъ языковъ, я самъ видѣлъ эти переводы, — именно на латинскій, греческій, чешскій, польскій, нѣмецкій, шведскій, голландскій, англійскій, французскій, испанскій, италіанскій и венгерскій; а изъ азіатскихъ — на арабскій, турецкій, персидскій и даже монгольскій, который понимаетъ вся Остѣ-Индіа». Не довѣряя общимъ похваламъ, Коменскій до конца дней своихъ трудился и исправлялъ свои работы.

Много еще невыгодъ и потерь испыталъ страдалецъ и безпріютный труженикъ въ своей жизни, особенно тяжела была для него потеря рукописи его сравнительнаго латинско-чешскаго и чешско-латинскаго словаря, на составленіе котораго онъ употребилъ 20 лѣтъ и который погибъ въ шведскомъ разгромѣ Лешны, гдѣ сгорѣли и матеріалы для его «пансофіи». Но мощная и энергичная натура Коменскаго не терпѣла бездѣйствія, и онъ писалъ, училъ, старался водворить между людьми миръ и правду, пока на 80 году своей жизни, 15 ноября 1671 г., смерть не прекратила его жизни.

Исторія оставила намъ скромный и величественный образъ великаго генія славянской мысли. Коменскій отличался глубокою и задушевною религіозностію, въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ. Онъ былъ полонъ всепрощающей любви; онъ никого и никогда не проклиналъ и не осуждалъ; чистая, довѣрчивая душа его не знала обмана, и хотя многіе его обманывали и пользовались его простотою (за что онъ и платился), но онъ не переставалъ вѣрить въ человѣка и въ добро. Въ страшныхъ испытаніяхъ жизни, Коменскій сохранилъ себя и не отдался ни озлобленію, или враждѣ, ни постыдному равнодушію и апатіи, — онъ остался до конца вѣренъ своему высокому призванію. Одинокій, загнанный далеко отъ родины, все потерявшій, онъ жилъ мыслью, что послужить возрожденію отечества своими трудами. Сердце его было полно добромъ и желаніе добра всему человѣчеству, даже врагамъ своимъ, не покидало его. Несчастія не надломили великой души, но они отразились на ней къ концу жизни великаго страдальца усиленіемъ религіозности, которая стала переходить даже въ мисти-

цизмъ, столь не свойственный ясному уму и свѣтлой мысли его раньше. Но несчастія его по истинѣ были безпримѣрны и великая душа его болѣла и страдала за себя и за всѣхъ; онъ вперялъ взоръ въ будущее и старался разгадать его тайны; онъ жилъ чаяніемъ возврата счастья своей родины, и очень естественно, что настроеніе его мало-по-малу принимало характеръ созерцательный. Но онъ никогда не былъ фанатикомъ, суевѣромъ или ханжею; высокочестная и благородная натура его была всегда искренна и правдива.

По отзывамъ современниковъ, Коменскій былъ высокаго роста, красивой и величавой наружности, съ длинною бородою, высокимъ челомъ, съ добрымъ, но скрывающимъ тихую печаль взглядомъ; въ обращеніи онъ былъ мягокъ, серьезенъ и въ тоже время чрезвычайно привлекателенъ.

Обращаясь къ переводу «Великой Дидактики» Коменскаго, мы должны сказать, что этотъ трудъ справедливо считается лучшимъ выраженіемъ его педагогическаго гевія. «Великая Дидактика» написана была Коменскимъ въ самую цвѣтущую пору его возраста (35-ти лѣтъ); когда его мощный духъ еще не былъ смятъ бурями невзгодъ, когда онъ былъ чуждъ и того мистическаго элемента, который сталъ появляться въ немъ къ концу его жизни. Въ этомъ трудѣ видѣнъ широкій размахъ мысли глубокой и вполне свѣжей, которую не сгузила практика жизни и ограниченныя ея условія. Вполнѣ сознавая новостъ и самобытность своего труда, онъ вступаетъ въ борьбу съ старымъ порядкомъ дѣлъ, съ преданіями и предрасудками; но онъ полонъ вѣры въ свою миссію, въ истину своихъ убѣжденій, а потому смѣло и рѣшительно обѣщаетъ лучшую будущность школѣ и воспитанію въ своихъ трудахъ; не испытывъ бурь, онъ смѣло плыветъ на полныхъ парусахъ, не лавируя, не обходя трудностей, но давая свободный ходъ теченію своихъ мыслей. Въ этомъ трудѣ зерно всего, что создано было имъ въ области дидактики въ послѣдующее время.

Правда, что современное Коменскому невысокое состояніе наукъ было важнымъ для него препятствіемъ и положило даже отпечатокъ на его трудъ: нѣкоторыя изъ его научныхъ данныхъ и объясненій природы—нынѣ уже несостоятельны; но это не уменьшаетъ важности и глубокой истинности его педагогическихъ идей. Съ другой стороны, читатели замѣтятъ, особенно въ первыхъ главахъ «Дидак-

тики», весьма сильный *религиозный элементъ*, который также составляетъ характеристическую черту не только лично Коменскаго, но и той *эпохи*, въ которую онъ жилъ. Редакція не нашла возможнымъ и не считала себя вправе производить *кастрацію* великаго созданія, пригонять его къ нашей эпохѣ, «исправлять и очищать» его по какимъ-бы-то-ни-было тенденціознымъ взглядамъ. Мы *переводимъ*, а не сочиняемъ; задача же перевода—не исправленіе, а возможно точное и вѣрное воспроизведеніе *подлиннаго текста*. И каждому изъ читателей, безъ всякихъ напоминаній и объясненій понятно, что *250 лтъ* тому назадъ наука и жизнь во многомъ не походили на современную жизнь и науку.

Для болѣе яснаго и опредѣленнаго выраженія нашего взгляда на дѣло и отношеніе къ предпринятому труду, считаемъ не лишнимъ привести мнѣніе о значеніи педагогическихъ трудовъ Коменскаго, высказанное однимъ изъ современныхъ нашихъ педагогическихъ писателей, и которое мы вполне раздѣляемъ. «Чтобы вполне оцѣнить важность педагогическихъ идей Коменскаго, не должно забывать, что онъ явился болѣе, чѣмъ за два вѣка назадъ, а между тѣмъ многія изъ этихъ идей и теперь *новы*. Правда, многое теперь кажется для насъ очень *простымъ*, но вѣдь простымъ кажется всякое великое открытіе, когда его сдѣлають. Что можетъ быть проще закона тяготѣнія или силы пара? однако открытіе столь *простыхъ* вещей произвело эпоху въ человѣчествѣ: таковы же великія «простыя» педагогическія идеи Коменскаго. Въ отвѣтъ тѣмъ, кто называлъ бы открытіе этихъ идей дѣломъ легкимъ и простымъ, Коменскій могъ сказать то же, что онъ влагаетъ въ уста Колумбу, сѣумѣвшему *просто* поставить яйцо на кончикъ носка, и что потомъ всякій брался сдѣлать: «Potestis, quia posse vidistis: *cui autem ante te nemo?*» Всѣ великія истины наукъ о мірѣ и о человѣкѣ не изобрѣтаются и не *сочиняются* человекомъ, всѣ онѣ лежатъ *въ глубинѣ природы*, какъ неизмѣнные ея законы, — человѣку остается только извлечь ихъ. Но это извлеченіе есть великій трудъ, требующій мощнаго, проницательнаго ума; выполнить его въ состояніи только великіе основатели *человѣческаго знанія*: Амосъ Коменскій по праву занимаетъ мѣсто въ сонмѣ этихъ благодѣтелей *человѣчества*. Онъ не только открылъ и указалъ золотоносную руду, но и извлечь ее, самъ обработалъ, показалъ ея

примѣненіе, пустилъ во всеобщее обращеніе и тѣмъ увеличилъ сумму благъ человѣческаго существованія. Какъ *оригинальный* и *глубокій* педагогическій мыслитель, Коменскій навсегда останется въ педагогіи путеводною звѣздой, указывающею другимъ труженикамъ науки истинный путь. Читая и перечитывая педагогическіе труды Коменскаго, невольно проникаешься къ нему глубокимъ уваженіемъ и испытываешь на себѣ обаятельное вліяніе его великаго ума; идеи его такъ глубоки, что вызываютъ въ читателѣ дѣлйй рядъ *новыхъ* идей, которыя до того времени не приходили читающему въ голову: таково свойство всѣхъ великихъ мыслителей. Подобно тому, какъ огниво, ударяясь о камень, вызываетъ заключающуюся въ немъ искру; такъ прикосновеніе мыслящаго ума къ великимъ идеямъ оригинальныхъ мыслителей вызываетъ рядъ истинъ, которыя до того лежали въ немъ, не будучи сознаны.

«Есть обычай,—разумность его общепризнана,—что люди, посвящающіе себя специально извѣстной наукѣ, желая сдѣлаться изъ учениковъ мастерами, изучаютъ кого-либо изъ древнѣйшихъ корифеевъ ея, положившаго впервые истинную *основу* наукѣ и, такимъ образомъ, создавшаго ей будущность и развитіе. Такъ, математики изучаютъ *Евклида*, философы—*Платона* и *Канта*, астрономы имѣютъ своихъ *Ньютона* и *Лапласа*, ботаники—*Линнея* и т. д. Для педагоговъ такимъ же свѣтиломъ, по нашему убѣжденію, можетъ и долженъ служить *Амосъ Коменскій*. Двухвѣковое пространство, отдѣляющее насъ отъ него, не уменьшило и не коснулось его значенія, какъ мыслителя-педагога, *глубокаго, оригинальнаго, самобытнаго*; эти черты служатъ признаками истинно-великихъ умовъ во всѣхъ сферахъ науки. Правда, нѣкоторыя изъ его мнѣній для нашего времени *не пригодны*, иное *отжило* свой вѣкъ; но развѣ труды Ньютона и Лапласа, представителей точнѣйшей изъ наукъ, для нашего времени безусловно истинны не только въ основахъ, но и въ частностяхъ? Извѣстно также, что система Линнея для нашего времени потеряла свое значеніе; а между тѣмъ, кто же станетъ отрицать всю научную важность его трудовъ и кто изъ «мастеровъ» ботаники не изучалъ Линнея? Такъ точно и въ Коменскомъ—мы цѣнимъ не подробности, не мелочи, не дополнительные построенія, но *основы, глубокія начала, методъ* и *духъ* его педагогіи, живыя и цѣнныя—и для насъ, и для всѣхъ временъ.

«Изученіе трудовъ Коменскаго, по нашему убѣжденію, вполнѣ можетъ сообщить мысли тѣхъ, кто изучаетъ его, здравый критическій взглядъ на дѣло, основательность, самостоятельность и глубину въ пониманіи основъ педагогической науки. Изученіе его, кромѣ того, можетъ всякому доставить минуты самаго высокаго и чистаго наслажденія. Какая простота и ясность выраженія, какая теплая и задуманная сердечность, любовь и преданность великому дѣлу, наконецъ, какая высокая гуманность проникаютъ всё его труды! Изучая Коменскаго, мы научаемся не только знать, но и *любить* великую педагогическую миссію, научаемся самоотверженно служить на пользу образованія народнаго. Наконецъ, изучая Коменскаго, мы научимся у него и той благородной *скромности*, которая составляетъ типическую черту нашего педагога-славянина и характеризуетъ истинно-глубокую натуру его. То обстоятельство, что два вѣка раздѣляютъ насъ съ Коменскимъ,—служить не во вредъ для насъ, а въ пользу. Онъ является для насъ *вполнѣ человекомъ науки, чуждымъ тенденціозности, увлеченій дня и духа партій, раздѣляющихъ и тревожно-волнующихъ современный намъ педагогическій міръ. Онъ шелъ прямо къ цѣли и видѣлъ передъ собою только истинное благо человѣка и его естественное развитіе*». *).

*) Считаемо не лишнимъ замѣтить здѣсь, что о Коменскомъ писано было не мало; приводимъ наиболѣе важные труды: *Bayle* Dict. histor. et crit. art. Comenius.—*D. Cranz*, Alte und neue Bruderhistorie, 2 Aufl., 1772.—*Müller*, Bekenntnisse merkwürdiger Männer, 2 Bnd.—*Pillet* въ «Biographie universelle». IX. Paris. 1813.—*Zipser* въ «Ersch und Gruber's Allg. Encyclopädie, 18 Th. 1829.—*Schwarz*, Erziehungslehre, 2 Aufl. 1829.—*Raumer*, Gesch. d. Pädag. 2 Aufl. 1847, II Th.—*Lautbecher*, I. A. Comenius Lehrkunst. Leipz. 1853.—*Diekhoff*, въ Herzog's Real Encyclop. 3 Bnd. 1855.—*Gindely*, Ueb. des I. A. Comenius Leben und Wirksamkeit in der Fremde. Wien. 1855 (Сообщеніе историко-философскому отдѣленію императорской академіи наукъ).—*Ziegler*, Programm des Gymnasiums zu Lissa vom J. 1855.—*Ludwig*, Grundsätze und Lehren vorzüglichen Pädagogen 1863.—*K. Schmid*, Gesch. d. Pädagog. Göttingen. 1863.—*G. Baur*, въ Encyclop. des gesamt. Erzieh. u. Unterrichtswesens v. K. Schmid.—Фр. *Палацкій*, «Жизнь Я. А. Коменскаго». На русскомъ языкѣ, кромѣ перевода статьи Палацкаго, известны: «А. Коменій, педагогъ XVII вѣка» (по Раумеру и Людвигу) въ журналѣ *Воспитаніе*.—*Куликова*. «I. A. Коменскій, педагогъ XVII вѣка, въ Журналъ Мин. Нар. Пр. 1870 г. (по Люцу и Витштоку); *Модзалевскаго*, Исторія воспитанія и обученія Слб. 1866 г. ч. II, стр. 374—398; въ журналѣ *Учитель* 1870 г. «Коменскій и его «Didactica Magna». Наконецъ рядъ статей г. Маропольскаго въ «Нашей Начальной Школѣ» подъ рубрикою «Народная школа по идеямъ Коменскаго» и того-же автора три статьи въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1870 г., подъ заглавіемъ «Я. А. Коменскій и его значеніе въ педагогіи».